

Talickaja, Jelizaveta

Функция действия как интегрирующий семантический признак русского глагола

Opera Slavica. 1991, vol. 1, iss. 2, pp. 37-42

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle):

<https://hdl.handle.net/11222.digilib/115666>

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ФУНКЦИЯ ДЕЙСТВИЯ КАК ИНТЕГРИРУЮЩИЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК РУССКОГО ГЛАГОЛА

Елизавета Тапицкая

Семантика каждого слова, значения слова как семантической единицы языка представляет собой структурное естественное природное образование, динамическое функционирующее целое, в котором семантические элементы определенным образом выстраиваются, отграничиваются, взаимодействуют не только внутри сложного целого, но и с другими семантическими единицами языка. В языковом значении переплетается грамматическое и лексическое, денотативное и сигнификативное, виртуальное и актуальное, оно значимо отнеживается от значений других слов и обусловлено сосуществованием единиц внутри парадигматического сообщества.¹ Сложность и многоплановость семантики каждого слова значительно затрудняет работу с языковым материалом, но в то же время позволяет подойти к его изучению с разных точек зрения и, взяв за основу один из аспектов, изучать семантику под определенным углом зрения. Нередко результаты наблюдений во многом зависят от направления мысли, от того, какая из сторон семантики определяет проекцию предмета изучения. Многоаспектность семантики открывает путь для принципиально различных обобщений, теоретических построений, позволяет на разных основаниях подходить к анализу, описанию и классификации лексики.

С давних времен практиковалась логическая классификация лексики, и слова хорошо распределялись по дедуктивно разработанным рубрикам. Это нашло отражение в идеографических словарях разных времен и народов.² Однако чисто логические принципы классификации уже не удовлетворяют исследователей. Логические основания анализа, отбора слова и их классификации корректируются с учетом языковых критериев. Научно обосновываются принципы отбора и классификации языковых единиц.

Ю. Н. Караулов, конструируя тезаурус русского языка, для первого этапа отбора языкового материала использует понятийные наборы существующих идеографических словарей и на их основе формирует каталог дескрипторов. Для комплектования словника идеографического словаря ядра общелитературной лексики используется частотный критерий 5-6 магов, представляющих максимальную длину перехода между отдаленными по смыслу понятиями.³ Полученный таким образом массив исходных данных корректируется и дополняется набором семантических связей между словами (и между дескрипторами и словами), который выявляется на осно-

вании дефиниций в толковом словаре. Показателем связи между семантическими единицами языка считается наличие в дефинициях общих элементов.⁴ Слова, составляющие дефиницию, кодируются в виде квазислов, своего рода семантических идентификаторов. Кодирование дефиниций дает для каждого слова набор семантических множителей.

Для задачи получения идеографической части тезауруса, т. е. для распределения слов по дескрипторным полям, как считает Ю. Н. Караулов, ремающей характеристикой оказалась частотность совпадающих множителей, поэтому показатель частотности был принят как селективный параметр асимптотической модели тезауруса. Нерелевантным для распределения слов по дескрипторным полям оказались сверхчастотные и низкочастотные множители.⁵ Обработка материала проводилась на ЭВМ, а полученные результаты проходили авторское постредактирование. Ю. Н. Караулов получает чрезвычайно интересные и своеобразные результаты. Особый интерес, на наш взгляд, представляет отрицательный материал машинной обработки, т. е. те случаи, когда машинная группировка слов по дескрипторным полям не совпадает с интуитивной. Караулов называет два источника некорректных результатов получения: во-первых, неточности кодирования, когда в число семантических множителей случайно попадает, например, нулевой или избыточный множитель из словарного определения, во-вторых, неправильность в самих дефинициях. Как нам представляется, существует и третья причина получения результатов, не отвечающих интуитивным представлениям о связи слов, которая состоит в том, что семантические признаки признаются равноценными, что "все множители, за исключением нулевых, считаются имеющими одинаковую значимость, одинаковый вес".⁶

Как убеждают нас результаты исследований по семантике, семантические признаки неравноценны, существует определенная иерархия семантических признаков, заданная в языке, одни семантические признаки имеют больший вес, обладают большей интегрирующей силой, чем другие, имеют большую организационную способность, классификационную значимость.

Классификационная функция языка проявляется на разных уровнях, "язык расчленяет действительность (безразлично, внешнюю или внутреннюю, реальную или абстрактную) на элементы лингвистически определимые".⁷ Изучение способов расчленения действительности, принципов естественной языковой классификации - один из наиболее заманчивых путей исследования языка. Работая с языковым материалом, лингвисты всегда так или иначе обращались к свойственной по природе языку классификационной способности, к стихийной языковой таксономии. Если грамматика, как правило, изучает такие семантические явления, которые находят в языке формальное выражение и оказываются в первую очередь доступными наблюдению,⁸ то в лексике системное, категориальное не получает зримого выражения и до времени оказывается скрытым от глаз наблюдателя, однако и здесь были обнаружены принципы интеграции и дифференциации, от природы присущие языку.

Чисто языковые основания были положены в основу классификации русского глагола Н. Ю. Шведовой.⁹ Глаголы (значения гла-

голов) располагались "по признаку нарастания вокруг основной глагольной семы дифференцирующих сем, сужающих (конкретизирующих) основное глагольное значение". Лексика не различается по заранее заданным рубрикам, "картина строится не из 'головы' лексикографа, а фиксирует в словах объективно существующие связи". Оказывается, что чистая "языковая таксономия без всяких отклонений в сторону заранее созданной теории" дает картину, отличную от до сих пор существовавших классификаций. Так русская глагольная лексика - "сама по себе, только средствами своей устроенности показывает, что сфера действий, активности в жизни значительно мире, разветвленное, чем сфера пассивно протекающих (или пассивно воспринимаемых) состояний; что в то же время действие не всегда может быть противопоставлено состоянию, отделено от него, что в сфере активной деятельности практически нет чистого противопоставления действий интеллектуальных, интеллектуально-эмоциональных и конкретно-физических, а в большинстве случаев есть лишь различное соотношение соответствующих компонентов".¹⁰ Все эти наблюдения говорят о том, что природная языковая классификация и логическая не всегда полностью совпадают.

К стихийной языковой таксономии обращаются и те исследователи, которые эмпирически вычлениют и изучают сопоставимые по смыслу слова, лексико-семантические группы. Анализ и описание лексико-семантических групп - один из аспектов изучения лексики, который иногда, а по нашему мнению несправедливо, подвергается снисходительной насмешке, иронической критике. Ю. Н. Караулов, например, ратует за устранение "встречающегося еще в ряде исследований предрассудка, будто систему можно изучать несистемно, когда в качестве объекта исследования выбирается некоторый изолированный фрагмент словарного состава", например, слова, выражающие понятия 'конец', 'постоянный' или 'помнить', 'думать', 'дрожать' или глаголы 'движения', 'говoreния', 'знания', 'зрительного восприятия', которые выбираются по принципу "замкнутости" и "естественной легкой выделенности" и, по мнению Ю. Н. Караулова, не дают выхода за рамки 10-300 отобранных единиц (что однако не соответствует истине).¹¹ Такие группировки Караулов считает произвольными, вычлененными на разных основаниях, не соотносящимися друг с другом по своей внутренней структуре и, как правило, не имеющими подобия в своем составе. Это не совсем так. Естественно, что в ряде случаев ЛСГ могли быть выделены неудачно, о чем сразу сигнализирует "неструктурность" группы. Произвольность группировки не так уж произвольна, и сама по себе легкость вычленения той или иной группы и ее замкнутость свидетельствуют о том, что в нашем сознании некоторые группы слов воспринимаются как по смыслу сопоставимые. Интуиция как неосознанное обобщение языкового опыта выводит нас не в тупик, а открывает возможности изучения лексики под иным углом зрения, в иной проекции. Были предприняты усилия обосновать выделение ЛСГ, обрамаясь к словарным определениям. В дефинициях сопоставимых по смыслу слов выявляются слова с обобщенным значением, которые играют роль идентификатора и в большинстве случаев могут служить названием лексико-семантической группы.¹²

Изучая отдельные группы слов, исследователи выделяют общий для данной группы интегральный признак и дифференциальные признаки, выявляют иерархию дифференциальных признаков и слов в ЛСГ. В области изучения глагольных ЛСГ накоплен большой фактический материал, позволяющий наблюдать ряд регулярных явлений, в частности можно отметить, что результаты описаний сопоставимы, что дифференциальные признаки исчислимы и могут быть систематизированы, а их сочетание предсказуемо. На данном уровне языковой классификации слова во многих ЛСГ дифференцируются по признакам 'объект - субъект действия', 'средство, орудие осуществления действия', 'способ, образ действия', 'цель действия', 'действие, ведущее к определенным результатам' и др., которые конкретизируют идентификатор, оказываются включенными в значение слов с более узкой семантикой.¹³

При изучении ЛСГ внимание исследователей направлено на классификацию слов одной группы, и в поле зрения естественно попадают дифференциальные признаки, тогда как интегральный остается заданным. Какие же признаки лежат в основе объединения слов в глагольные ЛСГ, каков характер их семантики?

Среди глагольных ЛСГ большинство составляют такие, в которых связующим семантическим признаком является функция действия, т. е. целе-результативный смысл действия, признак, обозначающий, с каким намерением, целью или результатом совершается действие. Это, например, глаголы со значением 'брать' и 'давать', 'соединять' и 'разъединять', 'увеличивать' и 'уменьшать', 'испортить' и 'исправить', 'покрывать' и многие другие.¹⁴ Часто это обширные сквозные группы, охватывающие различные сферы деятельности и считающиеся в своем составе десятки и даже сотни слов. В целом глаголы функционального действия покрывают большой массив глагольной лексики, включая не одну тысячу слов.

Даже если глагол-идентификатор, служащий названием группы не содержит признака 'функция действия' (цель, намерение, результат), то в группу могут входить глаголы с этим признаком. Например, в глаголах звучания можно выделить глаголы и синонимические выражения целенаправленного звучания. В группах глаголов оценок, желаний, эмоционального состояния регулярно выявляются большие подгруппы каузативных глаголов.¹⁵ Семантический вес признака 'функция действия' объективирован регулярностью указания цели, намерения или результата действия в дефинициях толковых словарей и в регулярности переноса по функции, а также в сохранении функционального значения за звуковым комплексом в историческом развитии, несмотря на изменение характера действия, ведущего к определенным результатам.

Логические ошибки иностранцев в большинстве случаев бывают вызваны неправильным употреблением слов, сопоставляемых по этому признаку.

Будучи связанным с целенаправленной деятельностью человека, социологичным по своей природе, признак 'функция действия' входит в значения употребительных слов. Глаголы функционального действия часто используются в речи, соотносясь с различными сферами жизни.

На определенном уровне системной организации русского глагола признак 'функция действия' по своей значимости превосходит другие семантические признаки и может расцениваться как один из классифицирующих семантических признаков русской глагольной лексики.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Сложную взаимосвязь всех сторон семантики каждого слова, взаимопроницаемость и взаимообусловленность значений многозначных слов и сопоставимых по смыслу слов лучше, чем кто-либо другой, омуаут на себе лексикографы. В процессе выделения и определения значений приходят во взаимодействие сложные механизмы сцепления внутренних и внешних семантических связей. Особенно много труда доставляет парадигматический контекст значения слова, когда лексикограф стоит перед необходимостью так определить значение, чтобы отграничить его от значений других слов.
- 2 МОРКОВИН, В. В.: Идеографические словари. Москва 1970.
- 3 Согласно правилу мести магов расстояние между двумя произвольно выбранными словами, определенное по наличию общих элементов в дефинициях, не превышает мести магов, т. е. пяти промежуточных слов, через которые устанавливается связь двух исходных. Например: война - солдат - идти - земля - цветы - лепесток; дехакий - загорает - солнце - водород - молекула - распад - энергия. См. КАРАУЛОВ, Ю. Н.: Лингвистическое конструирование и тезаурус русского языка. Москва 1981, с. 231. См. также КАРАУЛОВ, Ю. Н.: Обшая и русская идеография. Москва 1976.
- 4 КАРАУЛОВ, Ю. Н.: Лингвистическое конструирование и тезаурус русского языка. Москва 1981, с. 236.
- 5 Из дефиниций исключались нерелевантные (нулевые) семантические множители. Таковыми считаются слова с очень широкой семантикой, которые не обладают дифференцирующей способностью, грамматические слова, характеризующие способ действия, а также предлоги, союзы и местоимения. См. КАРАУЛОВ, Ю. Н.: Там же, с. 241.
- 6 КАРАУЛОВ, Ю. Н.: Там же, с. 249.
- 7 См. Тезисы Пражского лингвистического кружка. В кн.: Пражский лингвистический кружок. Москва 1967, с. 22.
- 8 Классификация осуществляется прежде всего при означивании объектов окружающей действительности. Дифференциация слов начинается их распределением по частям речи. Далее конкретизация осуществляется либо через грамматические категории, либо через категории словообразовательные. Как и для грамматических, для словообразовательных значений обязательно сумествование формального способа их представления. См. МАТЕЗИУС, В.: О системном грамматическом анализе. В кн.: Пражский лингвистический кружок. Москва 1967; ЛЕШКА, О.: К вопросу о частях речи в описательной грамматике славянских языков. В кн.: Грамматическое описание славянских языков.

- ков. Москва 1974; БОНДАРКО, А. В.: Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике. В кн.: Универсалии и типологические исследования. Москва 1974; Языковая номинация. Общие вопросы. Москва 1977; КУБРЯКОВА, Е. С.: Части речи в ономастологическом освещении. Москва 1978.
- 9 Свою классификацию Н. Ю. Шведова рассматривает "на фоне компонентно-семантической классификации чешского глагола, разработанной Ф. Данешем на базе гавранховской дихотомии 'глаголы действия - глаголы состояния'". Чешская классификация "опирается на лексические глагольные семы разной степени обобщенности и может служить непосредственным основанием для анализа семантического строения предложения: установление семантической формулы глагольного значения оказывается необходимой предпосылкой для классификации глагольных предложений по признаку их семантической структуры. В то же время эта классификация открывает хорошие исходные позиции и для изучения собственно лексических значений глагола". См. ШВЕДОВА, Н. Ю.: Лексическая классификация русского глагола (на фоне чешской семантико-синтаксической классификации). Международный съезд славистов. IX-й. Киев, сентябрь 1983. Доклады советской делегации. Москва 1983, с. 312.
- 10 ШВЕДОВА, Н. Ю.: Там же, с. 309-310.
- 11 КАРАУЛОВ, Ю. Н.: Лингвистическое конструирование и тезаурус русского языка. Москва 1981, с. 172 и сл.
- 12 КУЗНЕЦОВА, Э. В.: Итоги и перспективы семантической классификации русских глаголов. В кн.: Семантические классы русских глаголов. Свердловск 1982, с. 3-10.
- 13 КУЗНЕЦОВА, Э. В.: Русские глаголы 'приобретения объекта' как функционально-семантический класс слов. Москва 1974; ТАЛИЦКАЯ, Е. Е.: Анализ и описание лексико-семантических групп в учебных целях (слова со значением 'увеличивать(ся) - уменьшать(ся)' в русском языке. В сб.: Вопросы методики преподавания русского языка иностранцам. Вып. 2, Ленинград 1979; ПОЛУКАРОВА, А. Г.: Семная структура слов и их соединения. В сб.: Классы слов и их взаимодействие. Свердловск 1979.
- 14 функциональный семантический признак лежит также в основе объединения таких слов, как слова со значением 'воздействовать', 'выделять, обособлять', 'выигрывать' и 'проигрывать', 'грязнить, пачкать' и 'чистить', 'делать что-нибудь каким-нибудь', 'делить, распределять', 'заставлять, принуждать', 'изображать', 'использовать, пользоваться, употреблять', 'лечь', 'охранять, заимать', 'помечать', 'способствовать' и 'препятствовать', 'речь', 'руководить, управлять', 'скрывать', 'создавать', 'снабжать', 'удалять, убирать', 'способствовать возникновению', 'учить, изучать', 'указывать, сигнализировать', 'украшать'. функциональное значение имеют глаголы, обозначающие взаимоотношения, взаимодействие и др.
- 15 ВАСИЛЬЕВ, Л. М.: Семантика русского глагола. Москва 1981.